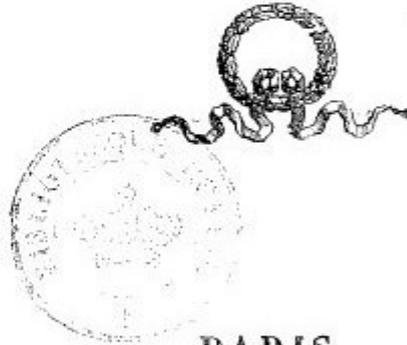

1812.

LE PRISONNIER DE GUERRE

EN RUSSIE.

PARIS,

IMPRIMERIE DE POUSSIELGUE.

RUE DU CROISSANT-MONTHAIRE, 12.

1857

1812

ВОЕННОПЛЕННЫЙ В РОССИИ

Вперед! Вперед!
(Лорд Байрон)
Ура! Ура!
(Козаки)

стр.5

Где великие, бесстрашные солдаты Великой армии?

Снег русских степей сохранил тайну их таинственного захоронения, они уснули, их ружья лежат рядом с ними, голод и холод свалили всадника и его добрая лошадь лежит у его ног. Все терпеливо переносили свою судьбу; все пали на пути выхода из России как длинная цепочка жертв. Атлетический кирасир, эта ужасная масса железа; пехотинцы, гусар, сын Венгрии, улан, быстрое дитя Польши, достойный наследник Посполитой, гренадер, этот мужественный герой, артиллерист, столь верный своему орудию, пал той же судьбой: смерть окутала их сразу всех.

Их было четыреста тысяч, их марш был похож на необузданную массу альпийского ручья, их было видно издали, это была огромная линия воздуха, сверкающая в лучах солнца. В их рядах слышались диалекты всех народов, которые отвечали друг за друга и пересекались друг с другом. Это был Вавилон в движении. Среди этих мужественных детей, готовых на все возможное, чтобы исполнить мысль и мечты верховного завоевателя о цивилизации войной, были смуглые испанцы, яркие итальянцы, холодные патриоты бельгийцы и швейцарцы, а также хорваты. легкие тирольцы, египтяне, останки консульской гвардии

стр.6

К огромному разгрому Москвы и приключениям различных корпусов мы не станем возвращаться, эти факты известны.

По словам официальных сообщений, более трогательная, чем сама история, - это интимная история какого-нибудь отставшего солдата, который так долго терпел муки, или беглецов, прятавшихся в глубине леса, пойманных русскими и доставленных под стражу казаков.

В наше время мы по-прежнему не знаем огромного количества французов,

которые остались разбросанными и отправившимися в Сибирь. Идти и не иметь возможности остановиться, страдать и не отдохнуть, об этом рассказ этой настоящей одиссеи.

У нас есть некоторые факты, чтобы можно было сказать: это история солдата 25-го линейного. Он был очень молодым, очень слабым, бедным крестьянином. Его назвали Виктором Л (1) Энтузиастом, так как в эту эпоху военной славы легко было мечтать о рангах, особенно о кресте. И он попрощался с матерью не смотря на слезы бедной женщины. Этот храбрый ребенок Парижа вступил в 25-ый линейный и умолчал, что имеет здесь родственником лейтенанта-полковника. Не смотря на тяжесть кампании, эти ледяные дороги, эту смерть в виде тысячи своих разнообразий ... Неважно. Ничто не обескуражило его; он шел, бежал, падал тысячу раз, брал себя в руки, и всегда мысль о долге, чувстве чести, любви к своей матери поднимали его и давали ему нравственную силу при отсутствии физической силы.

Он не мог не видеть, оглядываясь вокруг себя, тех ужасных следов, которые оставляла война по дороге: люди лежали с открытыми глазами, которые как бы угрожали, другие - в объятиях своих братьев, если есть братья во время голода; другие все еще поддерживались вертикально и безжизненно стояли словно ели; и среди всего этого несчастный император, который возглавлял траур своей великой армии ...

Потерпев эту огромную катастрофу, молодой солдат сохранил надежду. Его глаза еще 20 лет видели небо своей

(1) Г-н Л. состоял в 5-ом дивизионе 1-го армейского корпуса в авангарде, возглавлявшим принцем Экмюльским; во время отступления его полк был полностью уничтожен, и он был включен в 29-ю легкую пехотную дивизию Партуно.

Г-н Л. является сегодня одним из наших самых замечательных промышленников Парижа. Наконец он получил заслуженную награду за свое мужество и долгие страдания - орден Почетного легиона - которые никто не мог вынести более достойно, чем этот храбрый офицер.

стр.7

дорогой страны через мрачный и черный горизонт, который противостоял французам как непроницаемая завеса. Виктор обещал матери вернуться, поэтому ничего не боялся.

Между тем день 27 ноября ознаменовал собой главную катастрофу армии, в этот день началось истинное мученичество Виктора. Березина была пройдена; враг, обманутый движением императора, вовремя не объединил своих сил: поэтому теперь отступление, под защитой Беллино,

Реджио, Нея было обеспечено. Дивизия Партуно ушла в ночь на Борисов; бригада этой дивизии, образующая арьергард, ответственная за сожжение мостов, прибыла между десятью и одиннадцатью часами. Где первая бригада? где генерал? кричали солдаты. Они больше не думают о собственном спасении. "Найдем, найдем товарищей!" Поиски были тщетны: эта бригада взяла вправо вместо того, чтобы повернуть налево; два или три лье плутания привели ее, дрожащую от холода, к огню врага, как мотылька к огню. 2 000 пехотинцев, 300 всадников были полностью окружены: казаки не осмелились напасть на них, но на своих натренированных лошадях, только и ждут случая заняться мародерством. Виктор был в этой бригаде.

Какая трагедия произошла в маленьком французском лагере! Если бы в нем содержались только солдаты, то едва ли можно было услышать какие-либо энергичные проклятия; кроме того, все гренадеры снова попытались бы взять в свои замерзшие руки винтовки; всадник бы сел на свою измученную лошадь, чтобы поразить врага в последний раз ... Но были также женщины, дети, гражданские служащие, торговцы ошеломленные, обескураженные, недееспособные защищаться. Все больше сужался круг русских: тюрьма из плоти, из которой побег был невозможным. На мгновение у молодого Виктора возникла идея сопротивления: «Давайте бороться за проход! - воскликнул он энергично, ибо тогда высший авторитет исчез, а голос низшего был достоин начальника. Пойдем по телам этих негодяев! Он добавил: «О, мама, увидимся снова!» Какой-то ворчун покачал головой и пристально посмотрел на ребенка с черной иронией в глазах. Увы! у всех этих спутников по несчастью была одна и та же мать - Франция. Скольким из них придется увидеть ее снова?

Генерал Партуно перешел от одной шеренги к другой, увещевая, молясь, обращаясь к тем, кто падал от холода. По его щекам пробежали две большие слезы. Он, казалось, шатался под тяжестью несчастья. Наконец, приложив к себе усилие, он сказал: «Дети, смиритесь, судьба предала нас, мы - военнопленные!"

стр.8

Не было ни крика, ни жалобы, ни ропота. Все были ошеломлены смертельным исходом, все эти люди, которые были настолько сильными, такими неукротимыми за два месяца до этого, смирились с долгой смертью плена; они знают жалость и веру своих врагов ... Ружья ставятся в козлы, сабли брошены на землю, три пушки достаются российским артиллеристам. Мы были отданы под стражу десяти тысячам башкир.1 Поглощенный в свои мысли сына и солдата, Виктор даже

всеобщего движения. Ему сказали, что пора идти. Гигантский казак подошел к молодому человеку с богохульством, он был пьяным от водки и едва мог держаться на ногах. Увидев, что заключенный не двигался, он взял заряженную винтовку, стоявшую в козлах, прижал штык к груди солдата и искал спусковой крючок, чтобы выстрелить в него. Невосприимчивый к опасности, которая ему угрожала, Виктор чисто механически схватил штык и поднял его. Выстрел ушел в сторону. Тогда, вероятно, Казак решил компенсировать неудавшееся убийство ограблением другого заключенного и отошел.

Виктор был бдительным и всегда готовым отдать себя за своих товарищей. Это объясняет многие опасности, из которых Божественная защита спасала его. В течение двух или трех дней, что пришлось провести на равнине у Борисова, французы, лишённые провизии, ничего не получавшие от завоевателя, были мучимы жаждой. Только расплавленный снег можно было выпить, но его нужно было брать из лагеря, где топтание многих людей превратило его в густую грязь. Эта забота стала самоотверженностью: уйти от своих товарищей, отправиться в одиночку в сельскую местность, было почти равносильно смерти. Наши лоскуты униформы искушали башкиров, которые бродили по соседству: однажды соблазнившись, они убили, чтобы легче было забрать объект своей жадности. Поскольку это положение представляло опасность, и было желательно, чтобы все были обеспечены равными возможностями: мы нарисовали жребий. На третий день имя Виктора было в смертельном талоне. Молодой человек не колебался; он взял банку и подошел к лейтенанту по имени Шартье, которого он очень любил, пожал руку и сказал: "До свидания! Могу ли я вернуться счастливее, чем мой хороший друг Бард, к которому я привязан, как к брату, и который исчез после Малоярославца. Но, ба! мы найдем его снова".

"Подумай только о себе, малыш, и возвращайся".

"Это, мой лейтенант, во власти Божьей".

стр. 9

Он побежал. Его самоотверженность давала ему силы. Он остановился в отдаленном безлюдном месте. На коленях он обрезает полевой хвощ: все тихо; сразу начинает заполнять банку, но когда решает встать, раздаётся какой-то дикий смех: в тот же момент Виктор чувствует, что два колена безжалостно прижимают его к груди, жесткие руки обыскивают его повсюду; три калмыка держат его за ноги и за голову

Их свирепые, но узкие глаза зорко следят за всеми его движениями. Невольно француз кладет руку на пояс; ее отнимают от него; мародеры разрезали своими саблями мешочек, висевший на этом поясе, откуда в снег

посыпались золотые монеты. О опустошение! Это золото было плодом долгих сбережений и единственным ресурсом, который принадлежит Виктору.

Но золото было бы ничем в глазах этих варваров, если бы они не раздели заключенного: столь ценные сапоги для него, его пальто были сняты сразу; его собирались оставить голым, продрогшим...

Однако его молодость, его милое лицо, чем-то заинтересовали мародеров; Они бросают бедняге старый солдатский плащ, едва способного прикрыть шею, ни в коем виде не согреть, и уходят.

В несчастье есть своего рода щедрое торжество, фанатизм страданий; мы думаем, что мы боремся с небом, мы не плачем.

Виктор лишь на мгновение остановился на мысли о своем плачевном положении; лишения его товарищей, его братьев, вернули его к памяти. Он закончил заполнять банку, лучше припоясал свою новую форму и вернулся в лагерь.

Его печальное приключение произвело небольшой эффект; прибыл ли он голым или нет, какое это имело значение, если он нашел что-то попить для товарищей.

На следующий день мы отправились в направлении города Витебска, литовского города, на расстоянии 145 верст.

Вы читали у Боссюэ этот страшный отрывок, когда непреклонный голос кричит сверху проклятое: Марш! Марш! — Представляете, вы толпа неудачников, *grelottans*, без одежды, без хлеба, движимые копьем Казака ; они тащат себя со смертью в глазах; на каждом шагу они падают, они еще не умерли, они их уже больше нет. Их глаза гаснут, их длинные бороды, тряпки делают их отвратительными; они держат руки под подмышками, но ничего не помня о жаре, кожа их лиц пурпурная, их ноги завернуты в ткани и повязки, которые скрывают человеческую форму. Они уже не люди, и все же они чувствуют все властные потребности человека-

стр.10

-голод, ужасный голод пожирает их. Есть ли у победителя время подумать о том, чтобы покормить своих заключенных? Нет; Для башкиров необходимы игры и удовольствия:сидя на лошадях, они натягивают свои луки и бросают вызов друг другу, указывая цель. "Ну!Тебе в кивер! Мне в доломан!".Они стреляли; при каждом промахе он был человеком насмешек и поругания. Потом стрельба возобновлялась снова, пока лучшая стрела не достигла доломана или кивера, выступавшего в качестве цели. Башкиры знали вкус, чтобы обмануть скуку дороги. Сначала французы приложили некоторые усилия, чтобы избежать этой новой смерти; но вскоре устали от боязни своих убийц, они смирились с ожиданием ее с опущенными

головами. Виктор услышал звук стрелы, с шепотом пролетевшую мимо его уха. Но он даже не соизволил развернуться. Половина пути еще не была достигнута, как кортеж этих несчастных сократился наполовину. Мы не считали оставшихся; мертвые были слишком счастливы, чтобы о них сожалеть.

"Счастливые, потому что умерли", - сказал Лютер. Лютер был прав. Наконец, мы прибыли в какую-то деревню, если допустимо давать это название некоторым домам среди берез, раскинувшихся и потерянных, брошенных на равнине, без какой-либо закономерности плана, и в которых заключенные были размещены по десять, двадцать, тридцать человек в единственной дымной комнате. Что касается продуктов питания, то это то, что они должны были принять себя. Виктор был в одном из этих домов со своим другом Шартье и дюжиной французов. Старый капитан сказал со вздохом : « О ! если бы у меня был кусочек хлеба , пусть даже черного хлеба ! » Наш молодой солдат посмотрел на него с состраданием ; но как исполнить это желание? Кто-то сказал: «хлеб? есть здесь.—Где?—У еврейки по имени Сара.» Капитан сделал движение, чтобы выйти, но его слабость задержала его на своей скамеечке :«Что я могу сделать?» - пробормотал он. Большой баварец, который делал все возможное, чтобы согреться, сказал ему с юмором:"Мой Бог! В доме полно казаков." Какое это имеет значение, - воскликнул Виктор, - не съедят же нас казаки. Кто-нибудь хочет пойти со мной?" Молодой солдат, которого звали Норманд, щелкнул пальцами у виска и сказал: «Хотел бы я видеть, кто бы боялся этих пусть даже сотен и миллионов калмыков! Если у еврейки будет хоть всего лишь 4-фунта буханки, я обязательно принесу ее вам. " Виктор, взяв его за руку сказал: "это правда? Тогда пойдем со мной". Некоторые из их товарищей встали перед ними, Шартье был среди них и заклинал их не идти на встречу со смертью. Их улыбка была ответом на эти зловещие слова. Если бы он знал, как Шартье был прав?... Целый час прошел в ожидании их возвращения. Хотя едва ли им понадобилось бы десяти минут, чтобы вернуться.

стр.11

Вскоре мы их уже слушали. Они сказали, что не долго искали дверь еврейки. Прежде чем они успели постучать в дверь, она открылась сама: появилась женщина, освещенная факелом из смолы, который она держала над своей головой. Милым и угрюмым голосом она спросила их по-немецки: "Кто вы? что вы ищете? " К счастью, Виктор понял и заговорил с ней:«Мы два французских заключенных. Вы еврейка Сара? "Да, и что?" "У вас есть хлеб дома"."Боже Израилев! Хлеб! Я, бедная женщина, которая трудилась в поте лица, я бедная еврейка!" "По Слухам, у вас есть хлеб, моя

хорошая, дайте его французам, они так несчастны!" Эта женщина казалась тронутой, но, возможно, она испугалась. Виктор поспешил добавить: "У нас есть деньги",- и он достал из кармана золотое кольцо, которое старый капитан доверил ему, в то же время и Норманд положил в руку еврейки прекрасное и очень сияющее эку. "У меня есть хлеб, без сомнения",- и тут она понизила голос,- я вам дала бы его, но если меня увидят!.. У меня на постое пятнадцать казаков, их лошади там, в конюшне. Через мгновение ваши враги вернутся ... Если они узнают вас, мы все погибнем". "Давайте его побыстрее",- сказал Виктор. "Но я должна спуститься в подвал. В военное время нам нужно все прятать",- она подняла люк и спустилась вниз. Двое молодых людей, оставшихся в одиночестве, понятия не имели об опасности, которая им угрожала.

Они говорили только о счастье, наконец-то есть хлеб, и особенно о том, его поест хороший капитан. Под окном раздались звуки каких-то шагов; они слушали это без тревоги, думая, что услышали порыв ветра. Через минуту с одной стороны, появилась еврейка из погреба с большой булкой под мышкой, с другой, пятнадцать казаков появились у дверей комнаты. Их громовые голоса сотрясли стены ужасным ура. Почти мертвая от ужаса, еврейка уронила хлеб.

12

В свете факелов монгольские лица этих казаков имели ужасное выражение ненависти и свирепости; их маленькие круглые глазки извергали огонь, жажда крови искажала их рты.

"А! - воскликнул их главарь, с каким-то немецким акцентом, используемым этими варварами, - проклятая еврейка! воровка! печально! у тебя был хлеб под крышей, и ты прятала его от таких храбрецов, как мы! Ты может скажешь, что жила так же хорошо, как эти французские собаки!"

Еврейка упала на колени, сжимая руки. Напор главаря сотрясал ее тело: «Смилуйтесь, сжальтесь! Я не виновата ... О! ты хочешь меня убить?"

"Да, тебя и твоих сообщников".

И ненавистный взгляд Казака упал, как сабля, на двух беззащитных французов. На мгновение пятнадцать казаков приготовились к бою, но надежда грабежа их задержала; Они начали с того, что окружили своих пленников и лишили их лучшей одежды. Крик радости последовал за открытием за поясом золотых монет, которые носил Норманд: несчастный надеялся вернуть эти сбережения в свою страну и, возможно, взять там жену. Он решил, что судьба отвернулась от них, а его выбрала для смерти. Золото подсчитывалось и делилось в мгновение ока. Уже хлеб был разбит на куски и помещен в карманы. Казаки ничем не пренебрегли. Но для них было мало того, что они раздели двух заключенных. Память

дисциплине, страхе наказания, заставила их взять себя в руки и подумать о том, чтобы об этом никто не узнал.

"Женщина,- сказал один из них,- ты хочешь жить?"

"О! Боже мой!"

"Тогда сделай так, как скажем и будешь жить. Надо скрыть в твоём погребе тела этих двух французов: мы их собираемся убить". Виктор услышал это и его волосы на голове поседели! Однако еврейка потеряла тот крайний смысл самосохранения, который вначале полностью доминировал в ней. Не довольствуясь тем, что она спасла свою жизнь для себя, она упала к ногам убийц, взывая их к милости к французам.

"Они такие хорошие, такие молодые, такие слабые, они умирают!"

И казаки засмеялись адским смехом. И чем больше они смеялись, тем сильнее поднимался голос Сары. А Норманд и Виктор в объятиях друг друга, прощались друг с другом и у обоих были одни и те же слова на устах: «Мама! моя мать! " Бедные матери, действительно ли посещали тогда ваши души темные предчувствия? Безмолвная, безымянная трагедия! Смерть застыла с восторгом в темной и узкой комнате: пятнадцать сабель, поднятых на двумя головами, крик женщины, которая падает навзнич, ... но инцидент приостанавливает кровавую драму.

Шум был слышен со стороны печи: — "Наш суп! Наш суп!" Казаки спешат к единственному источнику своего ужина, который кипел и расплескивался на пепел. Это был момент чтобы спасти жизнь.

13

С первого взгляда Виктор определяет пути к спасению, одним пальцем он показывает своему спутнику на полуоткрытую дверь; бросаясь на руки, он проскальзывает через ноги Казака, Норманд следует за ним.

Прежде чем враги заметили его намерения, Виктор достиг двери. Позади раздаётся общее ура: но Виктор уже снаружи и сильной рукой отталкивает дверь. Но, о боль! его капотт зацепляется. Несчастный человек, не падая духом, неистово сопротивляется, но изношенная ткань рвется, Виктор падает в конюшню. До его ушей доносятся стоны, это был его заколотый собрат. Куда бежать? куда бежать? нет выхода в этой темной конюшне. Где вход? Он ищет, он чувствует стены, как слепой, кровь поднимается к голове, он спотыкается, он плачет, но только одна слеза скатилась из глаз: он не имеет времени, чтобы плакать! Дверь, оставшаяся полузакрытой, с грохотом открывается; вбегают палачи, окрашенные кровью Норманда; их лошади ржут голосом своих хозяев; все это создает ужасный шум разных голосов.

Однако присутствие духа и трезвость ума не оставляют Виктора: с другого конца конюшни он видит казаков; они бегут по другой стороне. Виктор немедленно наклоняется и быстро проходит под животом лошадей: благодаря этому маневру он находится рядом с дверью, в которой находится простая защелка, прикрепленная струной. Виктор поднимает руку, быстро тянет струну, которая ломается... Толкну дверь, он жадно глотает воздух. Виктор на свободе! Но не долго. Казак, стоявший на страже снаружи против двери, бьет его ударом сабли, который разрубил бы его кивер пополам, если бы конец сабли не вошел в дверной косяк, и пленник был бы зарублен. Несмотря на боль от этого сильного удара, молодой человек бежит, задыхаясь, в избушку, где он оставил своих товарищей; он открывает дверь, входит и падает без сознания. Если уж и кто-то должен был бы плакать о бедном Норманде, так это старый капитан ...

На следующий день мы должны были выходить в путь, это было в декабре. Так в течение многих часов, очень медленно шли мы в сторону Витебска. Все больше и больше уменьшалась колонна, потому что холод не упал и голод не переставал мучить пленных. На фоне таких физических и моральных испытаний, боль и сожаление за Норманда и Барда, придали силу Виктору. Наконец мы добрались до Витебска, ура!

Три француза тащились за колонной. Это были Шартье, Виктор и адъютант унтер-офицера по имени Шовен. Лейтенант с трудом опирался на плечи двух своих товарищей. Наконец он сказал : "Жан, а зачем идти дальше; это конец, я умру здесь».

14

Мужайся, брат, Витебск - это только всего лье, ты уже пошел такой долгий путь. Шартье больше не слышал. Напрасно его друзья указывали ему на сам город с его высокими шпилями ; Шартье остановился, бледный и продрогший до костей; его отмороженные ноги отказывались поддерживать его. Можно было подумать, что жизнь пытается покинуть его тело с последним вздохом.

Остатки мыслей Шартье, вся его потребность состояла сейчас в одном: найти тепло. Инстинкт самосохранения, этот божественный дар, заставляет показать своим спутникам на развалившуюся лачугу, из которой вырывался дымок.

Они поспешили туда донести умирающего. Они радуются, видя пылающий огонь в печи. Шартье вдруг ожил, вырвался из рук, которые держали его, и побежал к огню. Напрасно его друзья говорили ему об опасности, которая ожидает человека при резком переходе от мороза к теплу: Шартье прижался к духовке, обнимая стенку печки. Шовен стал

беспокоился за их общее спасение: как догнать движущуюся колонну, когда она приближалась уже к городу? И они призвали лейтенанта поскорее выходить. «Только четверть часа», - сказал Шартье с умоляющим взглядом. И действительно, ему хотелось бы идти, но ему это не удавалось. Ему дали еще четверть часа. "Вставай, вставай"- сказал Шовен, он нес на себе деньги, столь необходимые для его товарищей, и он дрожал от мысли лишиться их этих денег. Виктор, более мягкий, не осмеливался таким образом поднимать больного, но он понял, что у Шовена было большое желание уйти: ведь он сам пригласил его. Последний остался, не осмеливаясь взглянуть на двух друзей, которых хотел оставить. Несмотря на свое мужество и возвышенность дружбы, Виктор не имел больше возможности помочь бедному Шартье. Долгое время они стояли в тишине, которую беспокоили только вздохи удовлетворения лейтенанта и зловещий рев ветра сквозь ели. Наконец, Виктору пришлось приложить твердость, чтобы решить, что их друг уйдет. Им не трудно было найти дорогу, потому что ее забивали трупы, и для них все трупы имели имя! Вскоре хруст снега подсказал им на приближение всадника. Сердце забило, кровь стала застывать в жилах, они слишком хорошо знали своих врагов. И они не заставили себя долго ждать. На другой стороне дороги они увидели калмыков на лошадях и вооруженных до зубов. Виктор был покрыт слишком жалкими лохмотьями, чтобы бояться быть разграбленным; в отношении Шартье, его мундир остался, орел по-прежнему сверкал на его кивере :

о его ранге говорил его хорошо украшенный пояс. Калмыки подбегают к нему с двух сторон и хватают его, тащат в рожицу. По крику своего друга Виктор бросается навстречу всадникам; жестами, мольбами он пытается смягчить их. Они даже не смотрят на него. Молодой человек пытается проникнуть в рошу, где призывал его хриплый голос Шартье. Один из врагов берет свое копье и ударяет Виктора по голове. Бедный Виктор, отнюдь не его страдание занимает его; он вытягивает руку, как бы спасая Шартье. Тот же голос умирающего, который се еще зовет его... Собрав остаток сил, он поднимается, ползает на коленях. Голос погас, Шартье нет. Когда Виктор действительно пришел в себя, он оказался совсем одиноким; казалось, что сама природа реагировала трауром на состояние его души. Несчастный, видевший своими глазами, как погиб его друг, он бежал без остановки, пока не догнал колонну. Он рассказал обо всем, что только что произошло. Офицеры, имевшие еще немного энергии, хотели сразу пойти с ним в поисках лейтенанта. Им было запрещено; но Виктор обещал вернуться.

Вскоре после этого мы вошли в Витебск: но какое небольшое количество людей! В настоящее время каждого француза сопровождают как минимум два охранника.

По прибытии, солдаты генерала Партуно были размещены как попало, во дворах, в конюшнях, на улице. Они провели там первую ночь.

Проснувшись, Виктор не стал останавливаться, чтобы рассмотреть этот новый для него город с его деревянными домами, восточными, золотыми куполами, уходящими в небо. Сердце, полное горечи, имело потребность отомстить или хотя бы найти Шартье. Он ищет особняк губернатора; инстинкт не подвел, он нашел его.

Караульный резко окрикнул его : « Прочь! » На что он ответил: « Я хочу поговорить с губернатором города. » В ответ раздаётся смех, он спрашивает; караульные с презрением поворачиваются к нему спиной; он умоляет, тогда ему угрожают вышвырнуть. По счастью, губернатор услышал этот шум, спрашивает в чем дело и ему сообщают, что несчастный пленник утверждает, что ему нужен губернатор, чтобы сделать какое-то сообщение. Более гуманный, чем его подчиненные, губернатор удовлетворяет эту скромную просьбу и Виктора вводят.

Увидев то жалкое и страдальческое состояние, которое исходило от Виктора, черты лица губернатора стали выражать жалость; он говорил с заключенным по-французски. " Враг, который говорит на нашем языке, уже наполовину наш друг-

-воскликнул сначала Виктор - правосудия монсиньор, справедливости и защиты для моих братьев, а не для меня!" И он в нескольких поспешных мазках рассказал о многих и многих печальных событиях, которые последовали за Борисовым. Хотя в тот момент он был сторонником всех своих братьев по оружию, но он рассказал и о Шартье. Его дружба дала ему самое естественное красноречие, сердце. Возмущенный губернатор прервал его, обещая суровое правосудие. Но поскольку нужно было спешно выехать на помощь или, по крайней мере, на поиски несчастного лейтенанта, немедленно были даны приказы о подготовке саней. Перед тем, как спуститься, Виктор получил от доброго губернатора хорошую шубу (овчинную пелерину) и лапти (обувь из коры дерева). Вскоре Виктор в сопровождении русского сержанта сел на санки и продолжил, но уже не как жалкий паломник, путь в темный лес, где он потерял друга.

Сани, кажется, поглощают пространство; длинные линии сосен проходят быстро, как гиганты, перед глазами Виктора; на нем снежные хлопья; вихри ветра охватили его ревом. Нечувствительный к этому шуму, к этому зрелищу, француз пристально смотрит на землю, если он видит, что труп

наполовину раздет, его сердце стучит, и он приказывает вознице остановиться. Но он не замедлил осознать свою ошибку и снова направляет свой путь, ибо для него мертвые в этот момент только мертвы; но Шартье был другом.

На повороте он вскрикнул, он узнал въезд в рощицу, но тела больше нет. Земля несет на себе кровавые следы, и эти следы будут вести его ... Он прибывает в хижину, где он отдыхал с Шартье, у него хватило сил, чтобы тащить себя тудаа затем выдохнуть. Сильные удары копий оставили на его теле ужасные следы. Оказавшись более счастливым, чем его попутчики, лейтенант получает почести погребения. Виктор копает во всю свою силу в снегу могилу, кладет своего друга в эту новую гробницу, на мгновение размышляет над ним с мрачным отчаянием, без слов, без слез; затем он зарывает его и уходит даже быстрее, чем он пришел.

Прибыв на равнину, их внимание привлек дым и, приблизясь к навесу из ветвей деревьев, они увидели ужасное зрелище. На корточках перед почти потухшим костром из еловых веток, сидело нечто, имевшее человеческую форму, едва покрытое циновкой, без каких-либо признаков жизни, кроме как болезненных стонов.

17

Виктор почувствовал сострадание, как будто догадался, что в этом несчастном найдет брата или друга. Он подошел к нему и заговорил с ним ; человек оставался неподвижным. Виктор повысил голос, затем этот дикарь, измученный страданиями, поднял лицо, посмотрев двумя округлившимися, стеклянными глазами и произнес хриплый крик: "Эм!Эм!" Французы считают это еще хорошо ...

Сквозь эти изуродованные черты он, кажется, признает Может быть! это Бард! Бард, его товарищ по постели; Бард, которого считали убитым, Бог спас его, как же он еще не умер? У русского сержанта хватило человечности, чтобы бросить свой плащ на плечи несчастного, который наконец узнал Виктора, но не мог объяснить, как он здесь оказался. Его посадили на санки, и они уехали.

В разгар радости, что он нашел своего товарища Виктора, он не забывает и о несчастье Шартье. Во что бы то ни стало убийство должно быть наказано. Кровь за кровь. Это закон Божий, который гласит: «Глаз для глаз».

Виктор возвращается прямо в дом губернатора; на этот раз он беспрепятственно входит.« Горе, - восклицает он! Нет, нет, справедливости! Я сказал правильно, мой спутник, мой брат, был убит!"

Губернатор хмурится; «Вы узнали бы двух калмыков, которые убили этого человека?"

"Тотчас"

"Вы их увидите."

В это время все солдаты были построены на площади в двойную шеренгу и пересмотрены. Виктор отправился туда с губернатором и пристальным взглядом осмотрел каждого из калмыков. Внезапно он сказал: "Вот они!"

Опознанные двое калмыков волнуясь и заикаясь, признали свое преступление. Их приговорили к вырыванию ноздрей, сотне ударов палками и отправке в Сибирь. Решение было выполнено на том же месте. Потом российское должностное лицо, ответственное за сопровождение эскорта и виновное в том, что позволило убить французских пленных, было доставлено на место, разжаловано, лишено эполет. Его сабля была сломана над его головой, и его отправили в Сибирь. Таким образом, простой молодой человек, благодаря твердости и мужеству, получил справедливость для палачей всего своего народа.

18

Мы пробыли месяц в Витебске, откуда французы были направлены в Великие Луки (1). Виктор был помещен с Шовеном в дом русского буржуа. Шовен сохранил свои деньги и поделился как брат: иначе Виктор был бы в большом затруднении, имея простой пятак (2), который правительство выделило солдатам-заключенным. Но бедному Шовену еще на долго не нужно было денег. Его здоровье было подорвано лишениями и усталостями. Он чувствовал себя все хуже и хуже. У нас была идея отвести его в русскую баню. Этот пар, без сомнения, ударил его по нервам, потому что его болезнь только ухудшилась. Это были ужасные подергивания, желание сломать руку, которую ему протягивали, даже Виктора, несмотря на то, что это его друг. Несчастный человек страдал до такой степени, что не раз бросался с кровати и обходил всю комнату, цепляясь за доски, прибитые к стене, как скамейки. Он умер в этих мучительных страданиях, не имея возможности поговорить со своим другом о прекрасной Франции, родителях, былых днях. Он завещал Виктору все, чем владел. Но, как-будто какая-то ужасная зараза распространилась по всему французскому лагерю. Сам Виктор тоже вскоре заболел, лихорадка быстро довела его до крайности. Несколькими днями раньше его хозяин уехал по делам, поэтому заключенный был оставлен под присмотром горничной по имени Катеринка. И вот однажды настал самый страшный час его жизни: оцепенение окутало его однажды утром, как в ледяное одеяло. Зная эту опасность, мучимый жаждой, он хотел позвонить Катеринке. Невозможно. Его парализованный язык уже не мог сформулировать звук. Он видел, он слышал, вот и все, но при этом без единого намека на жизнь. В это время в комнату вошла с сияющим лицом

Катеринка, она открыла сундук, в котором лежали чулки Шовена, взяла их, осмотрела и развернула два носовых платка, один из которых она повязывала вокруг головы, а другой накинула на плечи. Вдруг кто-то постучал. Виктор поблагодарил Бога.

"Он мертв?",- спросил вошедший, немецкий портной, который обычно работал на хозяина дома.

"Пока нет, но это будет недолго".

"Вы одна?"

(1) По-русски, крупный лук.

(2) Около копейки, потому что требуется восемнадцать, чтобы сделать франк.

19

"Ох! Уже полчаса... для многих долгое время".

"У этого заключенного есть деньги, не так ли?"

"Да".

"И вы считаете, что это вам вернется".

"Я надеюсь"...

"Катеринка"...

"Ну, что?"

"Заклученный слишком долго умирает".

"Тем не менее, мы должны подождать".

"На вашем месте я не боялся. Держите , шнур , шнурок поменьше... и деньги этой собаки будут ваши, моя маленькая".

Если когда-либо было страдание без имени, страдание, когда через час ты уйдешь в вечность, так это был то, что должен был теперь терпеть Виктор. Он знает, что все еще жив, в его сосудах пульсирует кровь, сердце его стучит. Этот несчастный человек понимает, что его существование остается таким реальным для него, он может анализировать свою слабость, которая мешает ему кричать и оттолкнуть саван, который стал отпечатываться на его лице. Он внутренне видит убийц, которых он понимает слишком хорошо: их угрозы, их тайный заговор, их вероломство, ничто не ускользает от него. Смерть приближается! смерть в образе неизвестного ужаса, медленная, предвидящая, страшная смерть, смерть под действием двух негодяев. Они там, они подходят и отходят: человек, который лежит неподвижно в постели, этот человек для них не больше чем труп: прикончить его - это будет для него только плюс, избавление от длинных страданий. Они приближаются. Виктор думает о своей матери, молится Богу, опять думает о своей матери. Но Катеринка колеблется, она удерживает немца, который так подло и трусливо решил

прикончить свою жертву. Она возвращает его к окну, хотя преступление не пугает ее, она боится последствий. Более виновная в мыслях, чем его сообщник, она приостанавливает их действие, чтобы найти способ устранить все подозрения, поскольку она боится, что инспектор обвинит их в наблюдении за заключенными. Однако доводы немца победили страх горничной. Виктор погибнет. Но Бог посылает ему спасителя - это русский надзиратель. Последний вошел, подошел к больному и, увидев его плохое состояние, подумал, что его нужно отвезти в больницу. Катеринка закричала: "Зачем его забирать? разве мы не относимся к нему хорошо? Вы подозреваете меня?" "Возможно", - ответил надзиратель, который смотрел на нее суровым взглядом. "Ба!" - сказал портной, - этот заключенный почти умер... ударь его пальцем и он лишится жизни"...

20

"Хайм?"

"А ты знаешь, что у него есть золото? Ты знаешь это? И если вы хотите, все будет наше". Смотритель перекрестился и спросил портного, что он считает его убийцей или вором? "Я должен выйти,- - продолжил он.- В течение часа, если что-то случится с этим французом, вы ответите мне". "Вряд ли он был снаружи. Быстро! - воскликнул немец,-быстро! обобрать его!" Золото содержалось в кошельке за маленькой иконой Девы и Иисуса, которая встречается в каждом русском доме. Это священный и уважаемый образ, поэтому слуга не посмел ее потревожить, чтобы добраться до объекта своего вожделения. Портной взял кошелек, смеясь над сомнениями своей сообщницы. Они сразу же разделили золото, которое поспешили спрятать, услышав шаги надзирателя. Последний с помощью горничной завернул тело неподвижного француза в одеяло. Положил его на сани и направился в больницу. Но он скорее бросил, чем положил Виктора на сани: примерно на полпути больной соскользнул и лежал на земле Сани всегда шли быстро, как ветер. Вероятно, что русский, увидев исчезновение тела, был вначале очень напуган и призвал всех святых. Он решил вернуться, чтобы найти француза, нашел его, закрепил в санях более тщательно и, наконец, доехал до больницы. Самый мучительный момент в состоянии пациента произошел, когда врач решил дать ему немного рвотного, но сестра по ошибке дала ему огромную дозу. Последствия этого отравления были обнаружены в результате той же слабости, которая была настолько смертельной для Виктора. Через несколько дней после того, как пациент был доставлен в больницу, врач этой больницы бросил больничный лист на его лицо и безапелляционно сказал: «Он мертв! " Виктор вернулся к своей летаргии. И при этом он знал о своем состоянии; он знал, что они придут и похоронят его; что в его

кровати нуждаются другие больные; и он слышал, что вокруг него несут трупы, чтобы складывать их потом в общие сани! Кто-то подошел, наконец, к кровати, накрыл его простыней, руки медсестер взяли... Все было кончено, но голос медсестры сказал: «Сани полны; завтра похороним его». Виктор побывал на самой жестокой из всех смертей. Ужас, который наполнил его душу, дал ему такую потребность жить, что он занялся жизнью, как бы определенной силой воли. Постепенно сила вернулась к нему сначала он открыл глаза; затем он распрямил свои сжатые пальцы ...

21

Осторожно, аккуратно приподнявшись, цепляясь за соседние кровати, он сделал несколько шагов ... В комнате раздался крик ужаса: Виктор был спасен! Разве сам Бог не пометил этого молодого человека? не защищал ли его сам словам старого Товита: « Ты ведешь людей до гроба, ты и возвращаешь их, и никто не может уклониться от твоей могущественной руки.» Перевезенный около августа 1813 года в Бирскую (1), главный город Белой Сибири. Существование было довольно спокойным, благодаря защите губернатора, чьи обходительные манеры он уже знал. Наконец, после долгого пленения заключенные были отправлены во Францию. За три дня пути до границы дошли новости о высадке Императора, покинувшего остров Эльбу. Это заставило голландское правительство остановить эту колонну заключенных и отправить затем в Коверден и в Овериссел, где они и остались еще восемь долгих месяцев. Многие из этих несчастных даже сошли с ума от отчаяния. Падение императора позволило им вернуться во Францию. Но какой ценой они вернулись?

Так закончились приключения бедного узника в России. Сегодня он живет счастливым и спокойным; и все же он не может воздержаться от содрогания всякий раз, когда приходит в голову кровавая память, призрак 1812 года. (2)

(1) Правительство Уфы и Оренбурга на Дону.

(2) Эти приключения, которые мы услышали из уст самого героя, нам показались настолько захватывающими, что мы не постеснялись рассказать эту историю, ограничиваясь простым изложением событий.

(Примечание ректора. - Альфред Дезессарт).